

УДК 821.161.1-4

ПАМЯТЬ ВОЕННОГО И ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ РУСТЕМА КУТУЯ

М.В. Небольсина, соискатель

На формирование личности любого человека сильно влияет определенный пласт жизни. Творчество Рустема Кутуя сложилось под влиянием военного и послевоенного детства, трагической гибели отца, Аделя Кутуя. Эта потеря так потрясла его, что стала своеобразным толчком к творчеству.

«Я пошел по неубывающей тропе со своим желанием исполнить жизнь так, а не иначе. Это было вне сомнений, раздумий, по разумению свыше — и придумать, изобретать ничего было не надо... При сем был отец, он руководил, поощрял мои желания, руководил, не присутствуя в каждодневности поиска, он сообщил моей крови ускорение и придал ей терпкий вкус»¹.

В повести Р. Кутуя «Узелки на древе» есть импровизированное письмо отца с фронта. В нем — невосполненная любовь, нежность, ностальгия; в нем — горе и тоска, прощение и прощание:

«Сын мой, дорогой мальчик, здравствуй.

Как жаль, не успели мы с тобой подружиться как следует. Когда я уходил на фронт, ты сидел на полу и играл в оловянных солдатиков. Ты и не понял, куда я отправляюсь. Тебе очень понравился мой широкий ремень и сапоги. А я чувствовал себя неловко, потому что мать плакала. Плакала тихо, чтобы не слышал ты. Оставлять вас мне было горько. Твои солдатiki маршировали, и ты смеялся. Мы смотрели на тебя с каким-то страхом, ведь ты был так спокоен перед будущим, так уверен, что в

мире не может существовать зло. Я обнял вас, тебя и мать, и мы расстались. Я уходил к воротам, мать держала тебя за руку, и было тихо. Шаги отдавались в ушах. Потом мать закричала и догнала меня. Я увидел через ее плечо, как неуключе бежал к нам ты, всю работу руками...

Я пишу тебе в землянке. Бой был страшный, и сейчас даже неловко держать в пальцах карандаш. Он кажется соломинкой. Мой друг Саша Куницын спит на свежем сене, разбросав руки. Может быть, ему снится поле и речка. Утром мы нашли заржавленную косу, наточили ее. Только и успели покосить траву, как началось. Пока мы дрались, трава подсохла, и вот теперь вкусно пахнет мирным жильем. Будто лежим мы на сеновале и ждем, когда чуть забрезжит, тогда возьмем удочки и спустимся к реке. На войне мы часто вспоминаем о доме вслух. А мне почему-то снятся подсолнухи... Я мало жил в деревне и поэтому удивляюсь своим снам. Хорошо бы нам с тобой побродить когда-нибудь в таком поле. И ничего вокруг нет. Я даже улыбаюсь себе, когда укладываюсь спать: «Ну пойдём, отдохнем в подсолнухи...». И еще вот коптилка похожа на новогоднюю свечку. Как хорошо мы всегда наряжали елку. И обязательно у нас были свечи. Вот напишу тебе письмо и тоже упаду на сено рядом с Сашей, и будем мы видеть с ним одинаковые сны.

Я попрошу мать сохранить это письмо и передать тебе его в тот день,

когда исполнится двадцать лет. И тогда мы поговорим с тобой. Будет обычный день. Для тебя. Война останется в воспоминаниях. Мы победим, мы не можем не победить, ты слышишь, сын. Мать скажет: «А тебе письмо. Оно долго шло. Иди в другую комнату и почитай...».

Я не думаю о смерти, потому что она всегда присутствует рядом, и к ней привыкаешь. Нет, я не бесстрашный, но слишком велика страна за спиной, чтобы ежедневно скорбеть о себе. Если пуля выберет меня, ты получишь это письмо.

Вот и исполнилось тебе двадцать лет. Я поздравляю тебя. Давай обнимемся по-мужски. Ты вырос, мой сын. Я желаю тебе, завещаю любить людей. Это много.

Пойдем, пора, отдохнем в подсолнухах. Отец»².

Диалог Рустема с отцом продолжался до самого последнего его дня. Не сложилось у них мужского разговора, поэтому все творчество Рустема Кутуя — бесконечная попытка его.

«Моя дума об отце сокровенна и в то же время конкретна. Она связана с домом на тихой улочке Комлева и теплым двором. Вспоминаю, затихаю, печалюсь... Я без отца уже полвека. Пора бы свыкнуться, примириться. Только моя сердечная мука не желает такого примирения и упорно уводит к далекому прошлому, где у меня всегда были защита и кров. Стихам я доверяю главное, что останется и после меня»³.

Память об отце — это возвращение в детство, от которого у Рустема Кутуя осталось чувство незащищенности, и это не дает его душе покрыться коркой.

«Я гляжу из вобщем-то тихого тыла, где были обнажены большие трагедии обычных жизней... Слишком свежи ожоги...не обросли они корочкой заживления. Поэтому вроде и не сочиняю, а вспоминаю, воссоздаю...»⁴.

Поэт постоянно возвращается мыслями и образами к памяти своего детства — а они, как правило, связаны с домом, школой, двором.

В широком смысле мотив Дома в литературе XIX и XX вв. является одним из главных. И образ родного Дома в творчестве многих русских писателей прочно ассоциируется с Россией, ее укладом, ее обустройством, ее судьбой. Именно российскому человеку присуще единение с миром, вписанность его в бытие Природы, Семьи, Дома, Народа, Истории.

Дом для детей послевоенного времени был местом особенным — это не что-то конкретное, не семья, а коммунальная квартира, братство, где все знали друг друга, как облупленных, где жизнь была, как на ладошке:

*Это ж целый посад деревянный
Шумел чердаками...
В каждом ребрышке жизнь
с шепотком,
В каждой скрипе — и повадка,
и тайна, и вздох...⁵*

И для Рустема маленький красный дом с флигелем на Комлева — это олицетворение Счастья и Покоя, Надежности и Постоянства.

Сосед Р. Кутуя, известный писатель Василий Аксенов, с нежностью вспоминал: «Я родился на улице тишайшей, что Комлевой звалась в честь местного большевика, застреленного бунтующим чехословаком. Окошками наш дом смотрел в народный сад, известный в городе как Сад Ляжкой, что при желании можно связать и с ляхом»⁶.

Дом для каждого из нас — это прибежище души, местообитание; это быт и стиль жизни; привычный уклад и порядок; традиции, вкусы; культура семьи; нравственные заповеди; открытость и причастность к общей жизни. Это то место, где можно укрыться от жизненных бурь, где рядом близкие, которые всегда поймут и помогут.

*В домах деревянных теплее жилось,
Шагнешь — и скрипнет земная ось,
Не половица. Под окошком —
жимолость.
И обязательно к вечеру гость.
В домах деревянных была
человечность...⁷*

В тогдашней детской жизни Рустема в доме постоянно присутствовали посторонние: гостившие, вернувшиеся из эвакуации или с войны родственники и знакомые:

А тут вдруг гость обсыпан снегом...

Вот радость-то! Вдохнул

и охнул дом.

Стекло звенит

Мать зацвела платком.

Обычные слова и суета...

А маленькому стелят в уголке...⁸

К слову сказать, в 1993 г. флигель знаменитого дома Олешкевича (ул. Комлева (Муштары), 33), откуда добровольцем на фронт ушел Адель Кутуй, успел попасть в список памятников республиканского значения.

Могила писателя, погибшего в июне 1945-го, находится под охраной Польского государства, а его дом, который впоследствии стал предметом первого в Казани судебного разбирательства по поводу уничтожения памятника, инициированного частным лицом, был уничтожен в год 60-летия Победы и гибели Аделя Кутуя.

Продолжением коммуналки был послевоенный двор, в воспоминаниях о котором особенно четко проявляется ощущение детства.

Коммуналки были миром взрослых, а во дворах царствовали дети. Это было не просто пространство, огороженное забором и ограниченное деревянными домишками, это была разновозрастная община, коммуна, государство. Дети в ней жили по своим законам: не ври, не зазнавайся, не хвастайся, поделись тем, что имеешь. Пороки — особенно жадность и ябедничество — наказывались всеобщим презрением. Здесь царили забота старших о младших, внимание и уважение к старшим.

Жизнь взрослых в послевоенном дворе вся была на виду — со ссорами, скандалами, выяснениями отношений. Бывшие фронтовики теплыми летними вечерами собирались за дощатым столом «забить козла» и неторопливо вели разговор под кашель и дым табака.

Музыка послевоенных дворов — радиола, патефон, аккордеон. Допоздна, иногда до прихода участкового милиционера, крутили пластинки: Леонид Утесов, Клавдия Шульженко, Петр Лещенко.

Иногда во дворы забредал старьевщик и со свойственной только ему интонацией истошно, нараспев, кричал: «Старье берем!». Дети радостно волокли ему все, что могли, а в обмен получали металлические свистки или тряпичные мячи.

Особых нарядов тогда не было. Самая популярная одежда для мальчиков — сатиновые шаровары, для девочек — перешитые из взрослой одежды платья, юбки сатиновые, тенниски, тапочки.

Дети играли в «войнушку», «дочки-матери», «на золотом крыльце сидели», «классики», лапту, разрывные цепи.

Играли тогда еще, конечно, и в прятки, и в салочки. Но были и игры, которые, может быть, сегодня уже забыты. Например, в чижику. Чижиком назывался короткий отрезок круглой палки, заостренный с обоих концов. Он клался на землю в начерченном квадрате, который назывался кон. По заостренному концу чижики били палкой, он пролетал над коном и этой же палкой нужно было забить на лету чижику как можно дальше. А водящий должен был либо поймать чижику, либо с того места, где тот упал, забросить его в кон.

Играли и в «двенадцать палочек». Которые были те же «прятки», но только водящий не считал «считалку», давая остальным время спрятаться, а вместо этого происходило следующее. На кону, поперек какой-нибудь палки, клалась дощечка. На нижнем конце этой дощечки аккуратно укладывались 12 палочек, после чего по верхнему концу дощечки резко били ногой. И пока водящий собирал разлетевшиеся палочки и укладывал их обратно, все разбежались и прятались. Когда водящий обнаруживал кого-либо из спрятавшихся, то они оба — водящий и обнаруженный — бежали к кону. И тот, кто подбе-

гал первым, бил по доске. Палочки разлетались, и все начиналось сначала.

Была игра, которая называлась «поп-гоняла». Один-единственный городок, поставленный на попу, надо было ударами бит гнать как можно дальше. Иногда игра смещалась за километр от первоначальной точки.

Были игры с маленьким мячом: «штандер», «вышибалы». И везде надо было кидать, ловить, уклоняться, убежать...

Детство каждого человека неразрывно связано со временем, в котором оно протекало. История всегда вторгается в описание личной биографии.

Два самых серьезных события в послевоенной жизни детей — День Победы и смерть Сталина — с них обычно ведут отсчет своей новой жизни.

День 9 мая 1945 года у кого-то оставил ощущение праздника и долгожданного счастья, а у кого-то «в соседстве с радостью жила скорбь. Не жалась в угол, не кутала плечи в темные платки, а стояла тут же у ворот...»⁹.

«— *Мой отец погиб...*

— *И мой...*

— *Мой тоже...*

— *Мой пропал без вести...*

Так переключается мое поколение рождения предвоенных лет — безотцовщина, которая осталась как бы без твердо обозначенного возраста. Годовые кольца уходят вглубь воронкой к легко ранимой сердцевине...»¹⁰.

5 марта 1953 г. многие люди испытали невероятное потрясение. В этот скорбный для народа день радиоприемники на всем пространстве Советского Союза говорили голосом Юрия Левитана: «5 марта в 9 часов 50 минут вечера перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа — Иосифа Виссарионовича Сталина».

Сталин умер. Для большинства людей это было горем и трагедией — ради кого теперь жить и за кого теперь умирать? Смерть вождя большинство со-

ветских людей восприняло как личную трагедию. Страна погрузилась в траур. Из репродукторов неслась траурная музыка, газеты писали лишь соболезнования. Рыдали мужчины и женщины, пионеры стояли в траурных караулах, дети возлагали к гробу цветы...

Суровые годы лишений, выпавшие на долю мальчишек 1940-х гг., стали главной темой творчества Рустема Кутуя, темой военного и послевоенного детства, темой безотцовщины. Это грустные размышления о последствиях трагедии, о незаживающих следах войны. О следах в памяти, о следах войны на людских телах и на теле земли.

Мои погодки, мальчишки,

С сердцами, как с заплатами,

Мои погодки стриженные

Под лесенку, под кое-как,

*на нашем детстве трижды
проклятье горькое¹¹.*

В 1961 г. в Татарском книжном издательстве вышла первая книга — сборник рассказов Рустема Кутуя «Мальчишки». Повесть эта — память поэта. Память о войне, которая, казалось, никогда не закончится, потому что для детей военного времени она была привычным фоном жизни.

«Приходили похоронки, и на лавочке сидели горестные женщины. Память неистребимо сберегла дыхание общего горя, — иногда оно возвращается, и я, живущий в другом пространстве, снова стою маленьким среди большой войны»¹².

Послевоенные воспоминания очень сильны. Р. Кутуй вспоминал, как в начале 1950-х гг. вернулись фронтовики последнего призыва — 16-17-летние мальчишки. Недоиграв, недолюбив, они попали в море крови и страданий. А вернувшись, играли с подростками в «чику», «махнушку», «орлянку»...

Многие вернулись больными, слепыми, без рук, без ног... Единственным способом передвижения для них стали дощатые тележки на колесах — подшипниках, которые с грохотом носились по городу еще в начале 1960-х гг.

Особенно ужасные воспоминания остались у детей «военной поры», ви-

девших лица танкистов, горевших в танках. Обожженные, слепые лица, совершенно обгоревшие руки, от которых вместо пальцев остались только тонкие белые, как птичьи когти, кости ...

Вспоминая в своих произведениях военное и послевоенное детство, Р. Кутуй создает ностальгическую картину времени. Это светлая грусть, тоска по прошлому, по ушедшему быту, полному вкусов, запахов, зрительных образов, по дворовому коллективизму, солидарности, которые повлияли на подрастающее поколение того времени.

*«Я не пишу детских рассказов, — пишет Р. Кутуй, — я пишу человека из детства. Пишу его продолжение... Большая часть истин из детства взята кровью. Все оттуда — понятие чести, достоинства, гордость, протяженность любви и надежды, мечтательность, вопросительные и восклицательные знаки»*¹³.

Детям войны, независимо от того, где они находились в то время — в оккупации, прифронтовой полосе, эвакуации или в глубоком тылу, — приходилось не сласе, чем солдату на передовой. Детскими глазами дети войны видели то, на что взрослые могли не обратить внимания.

Детские души были изранены и обожжены, они видели ужасы войны незащищенным взглядом, который от

этого был более острым, пронзительным и беспощадным.

В литературе поколение послевоенных детей и подростков называют «детьми войны». Однако в годы «оттепели» у них уже начало активно формироваться мировоззрение, за которое их называют «шестидесятниками».

Послевоенные дети не имели отцов, семей, но их заменили школа, двор, детский дом. Послевоенное поколение воспитывалось на ценностях коллективизма, что способствовало появлению плеяды ярких индивидуальностей, одной из которых стал писатель и поэт Рустем Адельшевич Кутуй. В своем творчестве он не смог отказаться от детства.

Он был не детским, но и не взрослым писателем — он просто писал о ребенке, жившем после войны, прототипом которого был он сам. Он писал о своих ощущениях, переживаниях, о своих приключениях и навсегда остался в Стране Детства.

*«Я не знаю, где оборвалось детство — на высоком ли дыхании, на горестном ли вздохе. А может, оно продолжается и не кончится никогда. Я бы хотел, желал последнего. Ведь детством можно болеть, как можно болеть тоской о прекрасном. И я благословляю эту болезнь, потому что она приносит человеку счастливые страдания...»*¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кутуй Р.А. Белое пламя лунного тополя / Кутуй Р.А. // Казань. — 1993. — № 1. — С. 22.

² Кутуй Р.А. Такая жизнь / Кутуй Р.А. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. — С. 22–23.

³ Кутуй Р.А. Я был на той войне / Кутуй Р.А. // Эхо веков. — 2000. — № 1-2.

⁴ Кутуй Р.А. В детстве я задержался / Кутуй Р.А. // Комсомолец Татарии. — 1981. — 2 августа.

⁵ Кутуй Р.А. Песня вечерняя. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. — С. 22.

⁶ Аксенов В.П. Досье моей матери // Литературная газета. — 1994. — 21 декабря.

⁷ Кутуй Р.А. Песня вечерняя. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. — С. 9.

⁸ Кутуй Р.А. Гость / Кутуй Р.А. // Идель. — 1993. — № 6. — С. 10-11.

⁹ Кутуй Р.А. Дом Памяти / Кутуй Р.А. // Татарстан. — 1991. — № 5. — С. 7.

¹⁰ Там же. — С. 9.

¹¹ Кутуй Р.А. Я иду по земле / Кутуй Р.А. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1962. — С. 7.

¹² Кутуй Р.А. Страна моя — детство. Рассказы и повести. — М.: Советская Россия, 1978. — С. 16.

¹³ Кутуй Р.А. В детстве я задержался / Кутуй Р.А. // Комсомолец Татарии. — 1981. — 2 августа.

¹⁴ Кутуй Р.А. Страна моя — детство. Рассказы и повести / Кутуй Р.А. — М.: Советская Россия, 1978. — С. 20.

Аннотация

Данная статья посвящена творчеству русскоязычного писателя Республики Татарстан Рустама Кутуя, толчком к которому было военное и послевоенное детство автора, смерть его отца, известного татарского писателя, автора повести «Неотосланные письма» (1936), Аделя Кутуя.

Ключевые слова: Кутуй, война, детство, творчество.

Summary

This article describes the works of Russian-speaking writer of the Republic of Tatarstan, Rustem Kutuy, unleashed by war and post-war childhood of the writer and the death of his father, a famous Tatar writer, author of «Unmailed Letters» Adel Kutuy.